

Литература

10 класс

Максимальное количество баллов – 70.

Общее время выполнения работы – 6 академических часов (270 мин.)

Внимательно прочитайте задания. Ответы записывайте в тетради, в виде связного, цельного, завершённого текста в прозаической форме. Задания можно выполнять в любом порядке. Соблюдайте правила русского языка и нормы речи. Дополнительные материалы и средства связи использовать не разрешается.

ЗАДАНИЕ 1. Комплексный анализ литературного произведения

Проведите комплексный анализ *одного* из двух художественных текстов, помещённых ниже (прозаического Текста 1 *или* поэтического Текста 2). Учитывайте инструкцию к ответу, расположенную перед текстом произведения. Работу выполняйте в связной и логичной форме, опираясь на знания в области теории и истории литературы.

Оцениваются навыки анализа и интерпретации произведения, логико-композиционная цельность сочинения, владение понятиями и терминами литературоведения, обращение к историко-литературному и культурному контекстам, грамотность.

Текст 1.

При аналитической работе с рассказом Ф. Сологуба обратите внимание на характеры главных персонажей, композиционное строение текста, роль и функцию фантастического в сюжете.

Федор Сологуб**Тело и душа**

Сидели двое после обеда и разговаривали.

Так начинаются многие рассказы. Нет никакой причины не начать точно так же и этот рассказ.

Был ясный весенний день. Кабинет любезного хозяина в его городской квартире выходил окнами на шумную и людную улицу. Это не мешает заметить теперь же.

Хозяин был человек, давно и широко известный своею кипучею и успешною деятельностью. Гость его был во всех отношениях поплоче. Хозяина звали Георгий Алексеевич Радугин, гостя — Иван Иванович Скворцов, Хозяин — инженер, гость — чиновник не из самых маленьких.

Хозяин сидел в кресле, слегка, но очень комфортабельно развалясь, и курил сигару очень дорогую и очень, на свежего человека, скверную. Был рад тому, что его сигара такая крепкая и такая вонючая и что от нее такой синий, медленно плывущий в воздухе, кружащий голову дым и такое резкое ощущение на языке. Гость посиживал на другом кресле, радостно ощущал приятную мягкость и удобную широкость кресла, покурил сигару, данную гостеприимным хозяином, и с большим уважением поглядывал на хозяина. Сигара ему совсем не нравилась, — он предпочитал немецкие, дешёвые и слащавые сигарки, свернутые, может быть, из новгородской капусты, но имеющие вид настоящих гаванских вонючек.

Такова ситуация. Разговор же состоял в том преимущественно, что гость удивлялся хозяину, хвалил его и льстил ему, а хозяин слегка хвастался, как человек, привыкший к тому, чтобы ему все удивлялись и чтобы его все хвалили.

Скворцов уже не в первый раз говорил:

— Как вы успеваете? Ей-богу, удивительно и даже поразительно, особенно в наш век, когда все жалуются и никто не хочет ничего делать. И как вы находите время на все ваши дела и предприятия? Право, можно подумать, что вы никогда не спите. Да что! Для другого и двадцати четырех часов в сутки было бы мало, чтобы все это сделать, — а вы как-то успеваете. Да еще везде бываете и всем интересуетесь. Ей-богу, поразительно.

Говорилось все это, конечно, довольно гнусным тенорком, почти фальцетом. Люди не слишком преуспевшие в жизни не имеют никаких оснований обладать другим голосом. Так бывает во всех рассказах, за исключением тех случаев, когда в расчеты автора входит поразить читателя контрастом, совершенно неожиданным. Но так как соль этого рассказа совсем иная, то в отношении голосов, фигур и всего прочего во внешних проявлениях действующих лиц не допущено автором отступлений от тех порядков, которые соблюдаются во всех повествованиях.

Поэтому для внимательного читателя почти не надо говорить о том, что хозяин, Радугин, говорил приятным, слегка сиповатым басом и обладал весьма представительною внешностью.

Итак, Радугин на изливания своего гостя отвечал приятным басом, любезно улыбаясь:

— Это вовсе не так удивительно, как вам кажется, милейший Иван Иванович.

По внезапно вспыхнувшем в его глазах лукавым и бойким огонькам сразу стало понятно, что он расположен к некоторой откровенности. Оттого ли, что дело было после обеда, или оттого, что Скворцов оказал Радугину довольно крупную услугу, Скворцов вообще мог быть весьма полезен Радугину, — так сложились их деловые отношения, и такова была служебная обстановка Скворцова. В благодарность за последнее устроенное Скворцовым дело Радугин сегодня угощал его обедом.

Скворцов, радостно чувствуя, что хозяин расположен к откровенности, продолжал изливаться в выражениях удивления. Он думал, что откровенность Радугина влечет за собою новое, приятное в смысле личных выгод дело. Да и вообще откровенность знаменует собою дружеские отношения, а быть на короткой ноге с самим Радугиным, конечно, для всякого в положении Скворцова лестно.

Радугин посмотрел в окно. Засмеялся чему-то.

Встал и подошел к окну, — и синее облачко табачного дыма красиво потянулось за ним. Радугин позвал гостя:

— Иван Иванович, подойдите-ка сюда, посмотрите-ка на эти две лестницы.

Иван Иванович, заранее на всякий случай улыбаясь, подошел к окну, глянул туда, куда показывал ему хозяин, и опять перевел глаза на Радугина с выражением заинтересованности и вопроса.

Радугин спросил:

— Как вы думаете, Иван Иванович, кто из этих двух молодцов раньше доберется до верху, красный или черный?

Скворцов быстро глянул в окно, опять повернулся, из вежливости и чтобы не заставлять ждать ответа, к Радугину и сказал:

— Понятно, красный раньше доберется, — он выше, а лезут они оба с одинаковым усердием.

Радугин самодовольно захохотал, как человек, хитро подловивший в чем-то другого. Тогда Скворцов поглядел на улицу повнимательнее и засмеялся тоже. К стене противоположного дома приставлена была лестница, и взбирался на нее за чем-то рабочий, молодой парень в красной рубашке. А на стену дома падала тень от лестницы, и казалось

при первом беглом взгляде, что две лестницы поставлены и что всходят по ним два человека, один в красной рубашке и другой в черной.

— Обман зрения удивительный, — говорил Скворцов и вежливо смеялся тем тоненьким гаденьким смешком, какой бывает только у маленьких человечков, когда они смеются сами над собой, чтобы угодить кому-нибудь большому и сильному.

Радугин отошел от окна, уселся опять поудобнее и сказал наставительно, с горы опыта и житейской мудрости:

— То-то вот обман зрения. Иногда обман зрения, иногда обман слуха, а иногда, глядишь, и кое-что более существенное навернется. Так-то вот и с моими заместителями.

Скворцов сторожко встрепенулся. Радугин помолчал, значительно и внимательно посмотрел на Скворцова и, видя, что интерес его весьма возбужден, самодовольно улыбнулся и продолжал:

— Никому я до сей поры об этих моих заместителях не рассказывал. А вот вам первому расскажу. Если вам не скучно послушать.

— Помилуйте, что вы говорите, — забеспокоился Скворцов, — я с величайшим вниманием и интересом выслушаю. Мне очень лестно, что вы меня удостаиваете вашей откровенности. Помилуйте, за счастье почитаю.

Даже покраснел от страха, что его может счесть Радугин не желающим выслушать.

— Хочется почему-то вам рассказать, — говорил Радугин, и видно было по его уверенному лицу и неторопливым движениям, что он и не ожидал иного ответа. — Правда, не без задней мысли. Да вот вы сами увидите сейчас в чем тут дело.

Скворцов радостно захихикал, всю фигуру выражая готовность служить с усердием и великим даже удовольствием.

— Вы думаете, я много работаю? — спросил Радугин, и хитрая усмешечка пробежала под его коротко подстриженными седеющими усами.

— Хе-хе-хе, шутить извольте! — весело ответил Скворцов. — Уж ежели вы не много работаете, то кто же тогда и работает!

— Да, вот все так думают, — продолжал Радугин, — а ничуть не бывало. Моя работоспособность — самая ординарная. Правда, что я не лентяй. И делаю я, точно, много. Так много, что и вы не поверите. Да и никто. Больше делаю, чем об этом знают мои друзья и недруги. Да-с, гораздо побольше. И делаю все это я не сам, а при помощи таких особых, запасных человечков. Как это вам понравится?

— Запасных? — робко спросил Скворцов.

Его лукавые серые глазенки воровато шмыгнули по всем углам просторного кабинета и опять усталились на хозяина с тревожным выражением любопытства и непонимания.

Радугин помолчал. Нахмурился. Внимательно посмотрел на Скворцова. Видно было, что раздумывает снова, стоит ли говорить совсем откровенно. Наконец решился. Уверенно усмехнулся. Бросил остаток сигары. Заговорил тоном рассказа, с приемами человека, привыкшего говорить и чтобы его слушали, — и Скворцов уселся поудобнее и поспокойнее, видя, что предстоит выслушать целую историю.

— Давно это самое дело у меня началось, еще когда я совсем зеленым мальчишкой был, — рассказывал Радугин. — Шел мне тогда пятнадцатый год. Жили мы летом в нашем имении, в Нижегородской губернии. Житье мне в то лето было совсем не привольное, потому что приставлен был ко мне некий, изрядно-таки нескладный и непокладливый студент. А приставлен ко мне он был по той горестной для меня причине, что предстояла мне осенью переэкзаменовка.

— Невесело, — участливо вздохнул Скворцов.

— Да-с, весьма невесело, — согласился Радугин. — Вырвешься когда на волю, только о том и думаешь, как бы удрать подальше от моего ментора, — осточертел он мне невообразимо. Вот однажды в жаркий день забрался я в лес, в самую чащу. Уселся там на краю какого-то нелепого и невзрачного оврага. Там, в поле, жарница нестерпимая, — а

здесь, в лесной тиши, очень приятно — прохладно, и так смолкой пахнет, а внизу, в овраге, какие-то цветочки, метелки белые, на вид некрасивые, а туда же, пахнут довольно приятно. Сижу, глазею, то помечтаю, а то больше предаюсь грустным размышлениям о невеселых моих обстоятельствах. Отдыха настоящего за лето нет, а между тем скоро и осень настанет, и опять начнется несносное хождение в эту треклятую гимназию и постылый зубреж. Как вспомнишь какую-нибудь учительскую физиономию, так в жар и холод от отвращения кинет.

— Да-с, по большей части, несимпатичный народ, — поддакнул Скворцов.

Радугин лениво и слегка насмешливо глянул на Скворцова и продолжал рассказывать:

— Вдруг, — можете себе представить! — вижу перед собою лесного человека. Никогда раньше мне никакая чертовщина не являлась, а тут вдруг — извольте радоваться!

— От жары, надо полагать, — робко вставил Скворцов.

— Ну уж не знаю, от жары ли, от чего ли другого, — с некоторым неудовольствием ответил Радугин, — да и какая там в лесу жара! Это в поле, точно, было жарко, а там, я вам уже говорил, было довольно прохладно. Конечно, тепло, но не настолько все-таки, чтобы мерещиться невесте что стало. Как бы то ни было, сидит этакая противоестественная образина — маленький такой, весь вершка в три. Весь зеленый. Сидит на каком-то сучке, хвостиком потряхивает и посмеивается. Рот до ушей, уши болтаются, — красавец, нечего сказать. И так я тогда растужился да размечтался, что нисколько не был удивлен появлением этой хари богомерзкой. И даже, — представьте! — говорю ему: «Хоть бы ты, немьтыка, мне помогу». А он мне отвечает: «Что ж, помогу».

— Скажите! — с удивлением воскликнул Скворцов.

Радугин продолжал:

— Ну, слово за словом, разговорились мы с ним. Он мне и говорит: «Ты сам ничего не делаешь, ни уроков сам трудных не учи, ни работ не пиши. А есть такие ненужные людишки, которыми можно овладеть. Они на вид как будто и настоящие люди, и все у них на своем месте, и они все как все делают, а по-настоящему-то их и нет вовсе. Так, видимость только одна, а человека нет. Ни души у него, ни воли, ничего нет. Сам для себя он не нужен, а всю работу человеческую он может сделать почти как настоящий человек. Только надо его наставить, завести, как машину, а уж он пойдет и сделает все, что тебе надо». — Я его, понятно, спрашиваю: «Голубчик немьтыка, да научи, как же это сделать, будь благодетель». — А он говорит: «Для этого я дам тебе такой талисман». Сбегал куда-то очень проворно и принес мне вот эту штучку, которую я с тех пор храню как зеницу ока. Показать?»

— Пожалуйста, покажите, это так интересно, — попросил Скворцов, улыбаясь нерешительно и не зная, очевидно, как относиться к словам хозяина, принять ли их в шутку или всерьез.

— А вы не боитесь? — спросил Радугин.

Его лицо вдруг сделалось строгим и значительным. Скворцов почувствовал себя почему-то неловко. Неуверенным голосом сказал он:

— Нет, чего же мне бояться. Пожалуйста, покажите.

Радугин опять усмехнулся. На этот раз жесткая и невеселая была у него улыбка. Тонем странной угрозы он сказал:

— Ну, смотрите, да только уж потом на меня не пеняйте, — сами захотели.

Не спеша вынул он из бокового кармана своей домашней инженерской тужурки небольшую записную книжку, медленно развернул ее и вытащил из ее кармашка маленький, плотной бумаги, конвертик. Глаза Скворцова с жадным любопытством приковались к белым и пухлым рукам хозяина. Радугин раскрыл конверт, не торопясь, слегка потрянул его над столом, — и из конверта выпал на стол небольшой, плотный, побуревший от времени, но еще совершенно целый лист какого-то дерева.

— Вот полюбуйте, — сказал Радугин, взял лист осторожно двумя пальцами и повертел его перед глазами Скворцова.

— Только-то? — радостно и удивленно спросил Скворцов. — Ну, это — предмет, не наводящий большого страха. А я, признаться, ожидал чего-нибудь неестественного.

Радугин осторожно вложил лист в конверт и, неторопливо убирая его на прежнее место, сказал холодно:

— Очень рад, что это вас не пугает. Но только, милейший Иван Иванович, я должен вам сказать, что у меня было вот какое условие с лесным человечком: всякий, а также и всякая, кто увидит этот листок, с того самого момента поступает в полное мое распоряжение. Такое условие, и изменить его я не в силах.

Скворцов пробормотал смущенно:

— То есть как же это? Что же это значит, я не совсем понимаю.

И вдруг он почувствовал во всем своем теле странную слабость и безволие. Руки его бессильно упали, голова поникла, и все мысли, казалось, в один миг вылетели.

Над ним звучал холодный и спокойный голос Радугина:

— Милейший Иван Иванович, ни своей души, ни своей воли у вас никогда не было, и вы только по недоразумению, впрочем, довольно распространенному, считали себя настоящим и полным человеком. Вам казалось, что вы поступаете по сознательным и разумным мотивам, что вы можете любить и ненавидеть, желать, стремиться, добиваться, радоваться и печалиться, строить свое благополучие и быть чьею-то опорой и надеждой. Ничего этого на самом деле не было, да и не могло быть. Вы жили, — если жили, — и двигались, — если двигались, — привычкою, наследственностью, культурою, случайными, живыми или мертвыми, волями разных людей и случайными сцеплениями разных обстоятельств, но своей воли, своей жизни, своего пафоса в вас никогда не было. Над низменным планом вашего существования никогда не трепетали в вольном полете орлиные крылья восторга и дерзновения. Вот, тайными чарами лесного бытия, волшебною волею первозданной природы я изъемлю вас из этого круговорота пошлой жизни и беру в мое обладание, чтобы ваш человекообразный и в общем довольно остроумно устроенный организм послужил настоящему человеческому деланию. Вот и все. — Что вы на это можете возразить?

Скворцов молчал. Лицо его ничего не выражало. Весь он был похож в эти минуты на очень хорошо сделанную куклу.

Радугин постоял немного около него. Усмехнулся. Тихо сказал:

— Замечательное отсутствие какого бы то ни было сопротивления. Первый раз приходится встречать такую совершенную пассивность.

Потом еще поближе подвинулся к Скворцову. Сказал громко и решительно:

— Ну, милейший, дайте-ка я обревизирую ваш умственный и нравственный багаж. Что-то там у вас находится за вашей первою оболочкою?

Наклонился к Скворцову. Сказал совсем тихо какое-то невнятное слово. Точно легкое синеватое облачко перебежало от Радугина к Скворцову, изо рта в рот. И в тот же момент неожиданная и странная перемена произошла с обоими.

Радугин вдруг словно померк, осунулся, вялою походкою вернулся к своему креслу, повалился в него и безжизненно замер, и лицо его стало тускло и безвыразительно. Скворцов же вдруг встрепенулся. Встал очень быстро, как внезапно разбуженный чем-то бесконечно радостным. Засмеялся. Быстро заходил, почти забегал по кабинету. Лицо его стало веселым и оживленным. Все более быстрые движения и быстрая смена выражений на его лице показывали, что в нем происходит очень энергичная внутренняя работа. Но он почти ничего не говорил. Только несколько раз с его губ сорвались краткие слова справочного характера:

— В истекшем 1905 году.

— За номером 12557.

— Этот циркуляр издан еще при Петре Ивановиче.

Умственные
устройства

Потом захохотал, — и смех его совсем не был похож на тот гаденький смешок, которым смеялся он раньше, — хохотал так самоуверенно и самодовольно, что хоть бы и Радугину впору. Бросился в свое кресло, и вдруг застыл в прежнем безжизненном положении, и лицо его опять стало тупым и безвыразительным, как у куклы.

В тот же миг легкое облачко, струистое, синевато-серое, пронеслось, как и в первый раз, между двумя собеседниками, только на этот раз в обратном направлении, и Радугин оживился. Открыл глаза, потянулся, встал, посмотрел с презрением на Скворцова и досадливо проворчал:

— Вот-то дубина стоеросовая! Из этого болвана немного пользы выскребешь. Чинодрал на редкость чистого типа. Впрочем, в свое время пригодится.

Потом подошел к Скворцову и сказал погромче:

— Ну-с, милейший Иван Иванович, просыпайтесь, вернитесь пока к вашей обманчиво самостоятельной жизни. Морочьте себя и других ^{присекаете} довольно неудачною подделкою под настоящего человека с живою душою. Я побывал в вашей коже и когда мне понадобится механизм вашего тела, я вас возьму и сделаю вами что-нибудь, может быть, и дельное. Проснитесь.

Наклонился к лицу Скворцова и опять сказал какое-то невнятное слово.

Скворцов открыл глаза. Смущенно улыбнулся, точно его застали в чем-нибудь нехорошем. Забормотал:

— Никак я заснул?

— Был грех! — со смехом ответил Радугин. — Кажется, всхрапнули немножко. Приятный сон видели, надо полагать?

Скворцов нерешительно говорил:

— Да, что-то снилось, только все забыл, что видел.

Радугин насмешливо улыбнулся. Сказал загадочно:

— Вспомните в свое время

Посмотрел прямо в глаза Скворцова, подумал:

«Пора тебе и уходить».

И Скворцов, словно угадывая мысль хозяина, стал прощаться. Радугин его не удерживал.

1906

Текст 2.

Анализируя стихотворение А.Кушнера «Слово «нервный» сравнительно поздно...», обратите внимание на композиционные особенности текста, роль монолога и диалога в произведении, его связь с опытом и традициями русской литературы.

Александр Кушнер

* * *

Слово «нервный» сравнительно поздно
 Появилось у нас в словаре
 У некрасовской музы нервной
 В петербургском промозгом дворе.
 Даже лошадь нервически скоро
 В его желчном трехсложнике шла,
 Разночинная пылкая ссора

И в любви его темой была.
 Крупный счет от модистки, и слезы,
 И больной, истерический смех,
 Исторически эти невроты
 Объясняются болью за всех,
 Переломным сознанием и бытом.
 Эту нервность, и бледность, и пыл,
 Что неведомы сильным и сытым,
 Позже в женщинах Чехов ценил,
 Меж двух зол это зло выбирая,
 Если помните... ветер в полях,
 Коврин, Таня, в саду дымовая
 Горечь, слезы и черный монах.
 А теперь и представить не в силах
 Ровной жизни и мирной любви.
 Что однажды блеснуло в чернилах,
 То навеки осталось в крови.
 Всех еще мы не знаем резервов,
 Что еще обнаружат, бог весть,
 Но спроси нас:- Нельзя ли без нервов?
 — Как без нервов, когда они есть!-
 Наши ссоры. Проклятые тряпки.
 Сколько денег в июне ушло!
 — Ты припомнил бы мне еще тапки.
 — Ведь девятое только число,-
 Это жизнь? Между прочим, и это,
 И не самое худшее в ней.
 Это жизнь, это душное лето,
 Это шорох густых тополей,
 Это гулкое хлопанье двери,
 Это счастья неприбранный вид,
 Это, кроме высоких материй,
 То, что мучает всех и роднит.

Максимальное количество баллов — 50

Ответ:

Текст 1

В рассказе Федора Салтыкова «Тело и душа» поднимается
 тема человечности. Здесь, в некотором смысле, задается вопрос:
 «А кого же можно назвать человеком?» Главным элементом
 «Тело и душа» отбрасывает основную идею рассказа:
 есть люди, которые лишь выполняют чужие приказы, а роль
 сами они лишь тела, без них бы души. Огромную роль роль

«Своей своей шая...» П.е. алтер подкупившем надеждность ее
 на раскиса. В конце и истинно исповеду именуем
 ирии потеренна одерогласие змисл^з моды на радио
 пишеть, что такое ~~эт~~ ^{методы} ~~дрил~~ ^{модель} и
 аналидент, шелата, стримитое, добаватые;... Он
 захмивает это: «Ничто такое на самом деле не
 было, да не и не мало быть» Это дует Вулгарный
 прощедения, т.к. шило тут ^{выясняется} ^{ва}
 суть и идея прощедения ^{всех}, ^{активизируется}
^{начало}, ^{повисность} ^{итого}, ^{всех} ^{процессу}
 В ^{данной} ^{судить} ^{суде} ^{что} ^{процессу} ^{процессу}
 прощедения алтер ^{тут} ^и ^{мысли}
 гров, ^{использованны} ^{от} ^{разностности},
^{разных} ^{буду} ^{сравнительных} ^{средств} ^{переходит}
 иди, ^а ^{там}, ^{то} ^{существует} ^{нужно} ^{суде} ?
 Эди ^{интерес} ^{то} ^{как} ^{можно} ^{суде}, ^{каким} ^и ^в ^{части}
 от ^{лесно}, ^{говоря}, ^{существующего} ^{интереса}
^{ва} ^{внутренне} ^а ^{повисности} ^в ^{реальной} ^{жизни}, ^а
^{на} ^в ^{дискуссе}, ^{управляет} ^{другими}, ^{малыми},
^{интересными}, ^{нужными} ^{говоря}.

15-10-3-0-3

Общее количество баллов

31

Подписи членов жюри

Вен. Окс.

ЗАДАНИЕ 2

«Чужая речь мне будет оболочкой,
 И много прежде, чем я смел родиться,
 Я буквой был, был виноградной строчкой,
 Я книгой был, которая вам снится».

— писал в 1932 году Осип Мандельштам. Действительно, в XX веке «чужая речь», то есть поэтика цитат и аллюзий, стала привычным инструментом литераторов. Прочитайте два фрагмента стихотворений, в которых авторы использовали цитаты. Представьте, что вам необходимо написать небольшое эссе о «чужой речи» в литературе для научно-популярного просветительского сайта.

Чтобы эссе получилось содержательным, не забудьте следующие вопросы: Какие произведения процитировали авторы этих фрагментов? Какую задачу решают авторы с помощью «чужой речи»? Есть ли что-то общее у представленных текстов, чем они различаются? Приведите свой пример произведения, содержащего цитату, и сопоставьте его с приведенными двумя.

Фрагмент 1

...
Не улыбаясь и не плача,
Свой буйный укрощаю нрав,
Пророчествуя наудачу,
Всеведения нестяжав.
По малодушию и чтобы
Страстного избежать венца,
Средь мира алчности и злобы
Глаголом я не жег сердца.
Раб нерадивый и лукавый,
Но на челе моем печать.
Мне пред Престолом Божьей славы
За всё придется отвечать.

Безмолвие
молчит, ждёт
своего часа
надежда
получить
знание
решающее
хочет
оказать
свое
влияние
в поэзии
мне
становится
неудобно
в полноте
по фактически
словам
не верить са то, что
лучше и лучше
вс. логичнее
пошло
цель или
какой-то вид

Глеб Глинка, 1972.

Фрагмент 2

...
И, на колени тихо становясь,
готовый и для смерти, и победы,
прошу смиренно помощи у вас,
великие российские поэты...
Дай, Пушкин, мне свою певучесть,
свою раскованную речь,
свою пленительную участь —
как бы шая, глаголом жечь

Евгений Евтушенко, 1965.

готов к исходу ко
всему
против
вдохновения
вещно
удобно
писать легко, но
стоит с.

Максимальное количество баллов — 20

Ответ:

Взвешивая "Чужая речь" в литературе рассуждаю -
- позволяющий авторам высказывать свои идеи, чувства и мысли используя чужие слова, мысли, идеи, чувства
используя чужие мысли, идеи, чувства.
Очень часто авторы используют художествен-
ную чужую речь другого автора, цитируя другого автора,
чтобы выразить свои мысли и чувства и его
произведениям. На примере фрагментов 1 и 2, можно
увидеть, как работает структура "чужая речь".
В обоих случаях в литературных фрагментах авторы
поднимаются теми творчество поэта. В первом
фрагменте, написанном Глинкой, я уже выразил
мысли, а также, размышляя, и добавляю собой,
так он называет себя: "Раб нерадивый и лукавый".
В книге он пишет: Мне пред Престолом Божьей
славы за всё придется отвечать. Он понимает, что он
пишет, что он творчество мертвым, в том, среди мира

активности и любви" не упрощаются, становятся и несут
 Тургеневу и его произведениям: "Тургенев
 и не мой человек" Зубов это понимает, он и так же
 ищет так и не стал великим по своей личности
 Во время первой революции, великим он перестал
 автор, избранник или ^{идеолог} и
 против врагов своих: против империи России и
 нас, великие российские "патриоты" Он обращается
 обращается к Тургеневу: "Дай, Тургенев, мне слово
 как вернуть, свое рабское речье, все помнить
 мне право" и ~~во~~ в конце добавляет П.е. Ефимен-
 ко, автор первой революции, обращается к Тургеневу
 мне и Тургеневу Тургеневу и даже добавляет
 в конце: "как бы мне ~~было~~ вернуть мое": Автор
 против Тургеневу ^{добавить} ~~добавить~~ ему не талант, а его
 судьбу - писать лето, не забывавшие, чтобы
 вернуть человеческие сердца.

4-0-8-0-2

Общее количество баллов 14

Подписи членов жюри Вели - Оврес